

## **Политико-географическое положение Краснодарского края в системе внутренней геополитики России: основные факторы**

ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар  
e-mail: baranovandrew@mail.ru

**Аннотация.** Статья посвящена выявлению основных долгосрочных факторов политико-географического положения Краснодарского края в системе внутренней геополитики России (1991–2014 гг.). Раскрыта политическая роль таких факторов, как исторический, международный, экономический, социальный, этнический, миграционный, административно-территориальный.

**Ключевые слова:** политико-географическое положение, факторы, система внутренней геополитики России, Краснодарский край.

### **Введение**

Одно из важнейших проявлений и последствий глобализации – кардинальная трансформация политического пространства мира. Национальные государства перестают быть монопольным легитимным институтом публичной власти. Они передают часть властных полномочий глобальным структурам власти, а также своим внутренним регионам и трансграничным территориям. Межгосударственная и глобальная конкуренция обостряется. Высокоразвитые страны и их объединения (ЕС, НАТО, НАФТА) наращивают политическую интеграцию и успешно преодолевают центробежные тенденции. Напротив, страны «третьего мира» и Россия сталкиваются с усилением территориальной фрагментации, а в крайних формах – и сепаратизма. С особой остротой задача сохранения стоит перед странами, неоднородными по идентичности, в т.ч. – перед Россией. Качественно новое состояние политического пространства субъектов Российской Федерации требует концептуального осмысления. Речь идет о «внутренней геополитике». Она осмысливает модели строения политического пространства государств, выявляет факторы положения внутригосударственных регионов, предлагает меры по управлению политико-территориальными процессами.

Концептуальные основы внутренней геополитики разрабатывали Ж. Готтман, Э. Шилз [1, с. 16-20; 2, Р. 250-251]. На материале России модели внутренней геополитики создавали В.А. Колосов и Н.С. Мироненко [3, С. 337-346], Р.Ф. Туровский [4, С. 74-80], М.В. Ильин [5, С. 82-94], А.С. Макарычев [6, С. 8-27]. Приоритетны следующие аспекты темы: региональная безопасность, пограничная политика, регулирование этнических и конфессиональных конфликтов [7; 8; 9]. Но редки системные «плотные описания» Краснодарского края на основе методик политической географии. Работы Д.В. Максимова, Я.В. Черного, С.А. Кутилина – первый опыт такого рода [10, 11, 12].

Цель работы – определить основные факторы политико-географического положения Краснодарского края в контексте внутренней геополитики и дать оценку индикаторов развития региона. Объект исследования – региональное политическое сообщество Краснодарского края.

### **Материалы и методы**

Эмпирическая основа статьи включает в себя: материалы государственной экономической и социальной статистики (итоги переписей населения, текущего миграционного учета, ежегодных справочников); нормативно-правовые акты РФ и Краснодарского края; заявления политических деятелей; материалы периодической печати; картографический материал.

Методологическую основу статьи составили системный, структурно-функциональный и сравнительный подходы. Ключевое понятие для осмысления территориально неоднородных политических систем – «многосоставное общество» (plural society по А. Лейпхарту) [13, с. 7-9]. Для него характерны устойчиво обособленные сегменты. С. Роккан и С.М. Липсет ввели понятие «социокультурные размежевания» (cleavages) – между городом и деревней, центром и периферией, по уровню образования, по партийным ориентациям жителей и т.д. [14, с. 49-81]. Поскольку Кубань на протяжении веков была контактной зоной цивилизаций, пограничной территорией, особую значимость приобретают теории среднего уровня, объясняющие историческую динамику пространства. Таковы эволюционная модель расширения ядер территории (по С. ван Валкенбургу) [15, р. 5-9], теория диффузии политических новшеств (по Т. Хёгерстранду) [16, р. 8-16].

Гипотеза статьи такова. В условиях возросшей неравномерности развития российских регионов, в т.ч. Краснодарского края, роль долгосрочных территориальных факторов в политическом процессе

повышается. Целесообразно раскрыть политическую роль таких факторов, как исторический, международный, экономический, социальный, этнический, миграционный, административно-территориальный.

## Результаты и обсуждение

Краснодарский край занимает территорию 76,0 тыс. км<sup>2</sup> (0,4% территории России, 45-е место из 83 регионов страны). Население края по Всероссийской переписи 2010 г., – 5226,6 тыс. чел. (3,5% и 3-е место). Плотность населения – 68,8 чел./км<sup>2</sup> отстает лишь от столичных городов и Ингушетии. Уровень урбанизации – 53,8% довольно низок по российским меркам [17]. С точки зрения коммуникативного подхода Кубань – интегрированный регион с центральным расположением источника инноваций – г. Краснодара. Его равномерно окружают «пояса общения». Отчётливо выражены и центры инноваций второго порядка – Новороссийск, Сочи. Основной барьер общения – Большой Кавказский хребет по оси с северо-запада на юго-восток. Внутри Краснодарского края анклавно расположена Республика Адыгея (территория 7,6 тыс. км<sup>2</sup>, население 440,0 тыс. чел.). Она до 1991 г. была частью края в статусе Адыгейской автономной области; неразрывно экономически и социокультурно связана с краем до сих пор.

Краснодарский край имеет общую протяженность с запада на восток 380 км, с севера на юг – 370 км. Общая протяженность его границ – 1540 км, из них 800 – сухопутных (в т.ч. 76 км – межгосударственных на абхазском участке) и 740 км – морских (с Украиной по Азовскому морю и Керченскому проливу, а также по Черному морю – со странами бассейна). Россия только в пределах Краснодарского края имеет единственный выход к Черному морю на протяжении свыше 400 км от Тамани до Адлера. Кубань может быть ярким примером «точки-ворот», геополитического «ключа» (key point по терминологии С. Козна) [18, р. 41]. Она размещена вдоль границ геостратегических сфер влияния РФ и НАТО; невелика по размерам и имеет широкий доступ к внешнеполитическому пространству. Краснодарский край – самобытный историко-культурный регион с устойчивыми этническими, религиозными, социальными, политическими особенностями. Но, вопреки концепции С. Козна, Кубань богата природными ресурсами и чаще играла роль «переднего края» (фронттира) России, чем торговых и культурных ворот из внешнего мира в страну.

Исторический фактор политико-географического положения региона. Автохтонные жители края – адыги в горном Закубанье и сменявшие друг друга разноязычные кочевники степей. Славяне впервые поселились в регионе в эпоху древней Руси (970–1095 гг.). Границы Тмутараканского княжества охватывали нижний бассейн р. Кубань и морское побережье от Ачуева до Анапы. Под ударами половцев славяне ушли с Кавказа. В XV в. Степная Кубань вошла в состав Крымского ханства. В 1774 г. степь к северу от рек Кубань и Лаба переходит под военный контроль России, оставаясь частью Крымского ханства. В 1783 г. Екатерина II рескриптом присоединила Крымское ханство, включив в состав Российской империи степную часть края – Черноморию. В пределах от р. Еи до Кубани, от Тамани до ст-цы Воронежской создавалось Черноморское казачье войско (1793–1860 гг.) с центром в г. Екатеринодаре. Восточнее, от ст-цы Воронежской до Кабарды располагалась часть Кавказского линейного войска. Важно отметить этнокультурные различия между черноморскими казаками – потомками запорожцев, говорившими на диалектах украинского языка и линейными казаками – потомками донцов, волгарей, выходцев из Южной России. По рекам Кубань и Лаба прошла устойчивая (с 1793 до 1860 гг.) граница между православным и исламским, казачьим и адыгским ареалами [19, С. 13-29, 73-80]. По мере наступления русских войск в Кавказской войне территория адыгов сокращалась.

В 1860 г. Черноморское войско и часть Кавказского линейного войска объединены в Кубанскую область. Её границы близки современным очертаниям Краснодарского края. 90% адыгов после завершения Кавказской войны (1864 г.) принудительно выселено в Османскую империю [20, с. 90]. Оставшиеся размещены в пойме р. Кубань и Лаба узкой полосой аулов, изолированной от моря.

На протяжении всей истории Кубань оставалась полиэтничной и поликонфессиональной. Особенно разнороден состав жителей Черноморского побережья. Здесь казачья колонизация не принесла успеха и с 1880-х гг. сложился субрегион – более урбанизированный, чем Кубань, ориентированный на общероссийскую культуру. В географическом смысле Черноморское побережье от Новороссийска до Адлера – это политическая лакуна с особой идентичностью, экономическим и социальным обликом, политическими ориентациями жителей.

В период Гражданской войны (1918–1922 гг.) воссозданы традиционные институты казачьего управления. Сложилось непризнанное квазигосударство Кубанский край, представленное на Версальской международной конференции 1919 г. Опыт независимости края (1918–1920 гг.) играл важную роль в проектах создания Кубано-Черноморской республики в начале 1990-х гг. [21, с. 34-41].

Большевики уничтожили казачье самоуправление и стремились нивелировать своеобразие края. Они часто перекраивали административное устройство региона, а также создали в 1922 г. автономную область в Адыгее. Бывший Баталпашинский отдел стал в 1922 г. Карачаево-Черкесской

автономной областью. Абхазии передана в начале 1920-х гг. Пиленковская волость. Ставропольскому краю переданы районы с преобладанием казаков. Нынешний вид межрегиональные границы приобрели в 1937 г., когда был образован Краснодарский край. К 1960 г. Адыгее переданы г. Майкоп, Гиагинский и Майкопский районы с доминированием русского населения.

В период распада СССР политико-географическое положение Краснодарского края коренным образом изменилось. Край стал пограничным, оказался под влиянием конфликтов в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Абхазии, Чечне. Ослабление российской идентичности, слабость власти вызвали к жизни опасные замыслы «казачьей республики», создания Шапсугского национального района, пересмотра границ и т.п. К счастью, проявления чрезмерной децентрализации не успели развиться и преодолены к середине 1990-х гг.

Таким образом, исторический фактор политико-географического положения Кубани сказывается в делении её на три субрегиона: Степную Кубань (в прошлой казачью и аграрную), Закубанье между рекой и Большим Кавказским хребтом (агропромышленное, казачье-крестьянское), а также Черноморское побережье (промышленно-курортный район с крайне мозаичным составом населения).

Международный фактор. После распада СССР потенциал российского влияния в Черноморском бассейне резко сократился. Россия связала себя обязательствами по обычным и ядерным вооружениям в регионе. На Стамбульском саммите ОБСЕ 1999 г. РФ обязалась вывести 3 из 5 военных баз из Грузии, войска из Приднестровья. Условия базирования Черноморского флота РФ в г. Севастополе нестабильны, а по военно-инженерным качествам Новороссийск не может быстро восполнить утрату основной морской базы. Сокращение российского военно-морского потенциала в регионе контрастирует с усилением Турции и НАТО в целом [22, Р. 25-45; 23, С. 276-301]. Россия должна заботиться о поддержании баланса сил в Черноморском регионе и развивать военную инфраструктуру, что неизбежно увеличит затраты на обустройство пограничной полосы.

Межгосударственный территориальный конфликт, затронувший Краснодарский край, – спор России и Украины из-за косы Тузла в Керченском проливе. Проблема Тузлы – наследие советского периода. 7 января 1941 г. Тузла передана из Краснодарского края в Крымскую АССР. После передачи Крыма Украине (1954 г.) Тузла оказалась в составе иной союзной республики. Возможность конфликта могла привидеться только в сне, ставшем явью из-за распада СССР. По типологии Дж. Прескотта этот конфликт можно отнести к позиционным (из-за нечеткой демаркации границы) и ресурсным. Спор связан с транзитными доходами Украины от Керченского пролива (18-25 млн. долл. в год, не считая металлоэкспорта из Приазовья 220-250 млн. долл. в год), потенциальными запасами нефти и газа в Азовском море [24]. 24 декабря 2003 г. президенты России и Украины подписали договор о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива. Эти акватории объявлены внутренними водами двух стран. Предусмотрено создание совместной российско-украинской корпорации. Среди её задач – использование Керчь-Еникальского судоходного канала [24]. Но пограничные разногласия не решены принципиальным образом, что привело с лета 2011 г. к активизации межгосударственных переговоров [25, с. 111-113]. Конфликт в случае вступления Украины в ЕС и НАТО может резко вырасти в цене.

Потенциальные конфликты могут возникнуть на границе Краснодарского края с Абхазией в случае восстановления территориальной целостности Грузии, а также на административной границе с Карачаево-Черкесией, где часты акты террора на этнической и религиозной почве. Жителей приграничных Успенского, Отрадненского и Мостовского районов края беспокоят требования радикальных движений включить Республику Адыгея и «русский коридор» в объединенную Черкесскую республику [26, с. 73].

Экономический фактор. Край относится к числу агропромышленных регионов. Валовой региональный продукт на душу населения составил в 2012 г. 14372 долл. по паритету покупательной способности, что ниже среднероссийского уровня 19674 долл. и даёт краю 20-е место среди субъектов РФ [27]. Кубань обеспечивает 1,2% объема промышленной продукции РФ и 5,7% сельскохозяйственной продукции; 4,3% платных услуг населению. Краевой ВРП составляет 2,6% российского, а экономически активное население – 3,3% [28]. Соотношение стоимости промышленности и сельского хозяйства друг к другу 59,5:40,5%. То есть, край немного аграрнее всего Южного федерального округа (62:38%) [29, с. 53-61].

Общероссийский экономический подъем 1999–2007 гг. проявился на Кубани своеобразно. Географические преимущества края – развитая транспортная сеть, сильные порты, ёмкий потребительский рынок, высокая стоимость плодородной земли вызвали опережающий рост третичного сектора: отраслей туризма, связи, транспорта, энергетики и строительства.

Благодаря политической стабильности и выгодному географическому расположению Кубань сделала резкий рывок в развитии внешнеэкономических связей. Рейтинг агентства «Эксперт» за 2013 г. отвел Кубани 4-е место по уровню инвестиционной привлекательности [30]. Край выделяется повышенным уровнем прямых иностранных инвестиций (4-6-е места по абсолютному объёму). В России 40,2% иностранных инвестиций – прямые, а в Краснодарском крае – 55,7% [31]. Растёт и вовлеченность Кубани во внешнюю торговлю. Доля экспортной продукции в ВРП края увеличилась с 6% в 1996 г. до 19,4% в 2011 г. Кубань имеет активное сальдо внешней торговли. Но успехи

достигаются за счет вывоза минерального сырья и развития отраслей агропромышленного и туристического комплекса, а не наукоемких производств [9, с. 71].

Экономический рост остро ставит задачи модернизации транспортной и энергетической сети Кубани. Сейчас через порты края идет 23,7% экспорта РФ. Грузооборот портов составляет 115 млн. т. в год, а насущная потребность в грузообороте – 155 млн. т. Предстоит нарастить объемы годовой перевалки грузов в Новороссийске, Туапсе, Темрюке и Ейске. Строится порт Железный Рог на Таманском полуострове мощностью годового грузооборота 30 млн. т., что позволит резко сократить перегрузку экспорта в Украине (сейчас в портах Украины перегружается 12,3 млн. т.) [10, с. 105; 32, с. 151-155; 33]. Предложена программа строительства железных дорог (Тамань – Новороссийск, перенос участка Туапсе – Адлер с полосы побережья). Программа даст новые выходы к Черноморскому побережью из степной Кубани, оживит предгорные районы.

Общероссийское значение имеет транзит нефтегазовых ресурсов Каспия и Чечни через Краснодарский край. Именно Краснодарский край – единственный выход терминалов к Черноморскому побережью с последующим морским экспортом в Турцию и страны Балкан. Вкратце упомянем два важнейших проекта. Во-первых, Каспийский трубопроводный консорциум провел через край стратегически важную трассу Тихорецк – Новороссийск и построил Новороссийский терминал, что позволило с 2001 г. начать экспорт нефти в объеме не менее 28 млн. т. в год. Для Краснодарского края проект КТК дает 6 тыс. рабочих мест и интеграцию со странами Черноморского бассейна, модернизацию транспортной сети. Во-вторых, проект «Голубой поток» по экспорту газа в Турцию по дну Черного моря (Туапсе-Самсун) к 2010 г. вышел на плановый объем 30 млрд. м<sup>3</sup> в год [34, с. 98-114].

Но рост трубопроводного транзита имеет и негативные последствия: загрязнение экологии черноморских курортов, монополизм Турции как «хозяйки» Босфора и Дарданелл по квотам морского экспорта нефтепродуктов, усиление влияния турецкого бизнеса в экономике региона. Ежегодно в крае регистрируется 9-11 тыс. граждан Турции, т.е. 1/3 иностранных граждан, посещающих регион [35, с. 20]. Среди них – причастные к незаконному вывозу ценного леса Краснодарского края и Адыгеи, контрабанде наркотиков и оружия, радикальным религиозным организациям.

Итак, экономическое развитие объективно повышает роль Черноморского побережья и крупных городов в пространстве края, увеличивает коммуникационную «компактность» региона. Однако слабое развитие инновационного наукоемкого сектора экономики, проникновение иностранного капитала в Краснодарский край могут привести к зависимости от зарубежных партнеров, ослабить интеграцию региона в общероссийский рынок.

Социальный фактор. Краснодарский край густонаселен (плотность 67,4 чел. на км<sup>2</sup>). Возрастная структура – одна из «пожилых» в РФ (18-й из 83 регионов по среднему возрасту; 22,5% жителей старше пенсионного возраста). Средняя продолжительность жизни – 72 года, что уступает соседним регионам. Смертность равна рождаемости. Поэтому прирост населения Кубани идет за счет миграции на 44,7% [36]. Относительно благополучны по демографическим показателям крупные города и Черноморское побережье. Наиболее депрессивны сельские районы степного севера и предгорий края.

Уровень дифференциации доходов по децильному коэффициенту составляет 10:1. За чертой бедности, по официальным данным, живет 18% населения, в большей мере – сельского. Среднемесячная номинальная зарплата в первом полугодии 2013 г. составила 23135 руб. Разброс уровня номинальных доходов по районам и городам края – в 3 раза (лидеры – г. Новороссийск Туапсе и Краснодар) [37]. Отчетливо видно убывание доходов по географическому удалению от Черноморья, крупных городов и оживленных магистралей.

Безработные в 2013 г. составляли по методике МОТ 8,3% экономически активного населения края, а по данным Минтруда РФ – 0,7%. При любой методике счёта Кубань – наименее «тяжелый» по уровню безработицы регион Юга России. Ареал наибольшей незанятости охватывает степные районы: Крыловской, Новокубанский, Белоглинский. Дифференциация уровня безработицы – 6 раз (от нижнего предела в Краснодаре и Динском районе до верхнего в северном Крыловском районе) [29, с. 132-134]. Индекс развития человеческого потенциала отводит Кубани 19-е место среди субъектов РФ [38, с. 253].

Этнический фактор политико-географического положения края. Кубань всегда была полиэтничной. Сельский образ жизни диктовал компактное размещение этнических групп, за редким исключением «городских диаспор». В 1914 г. этнический состав Кубанской области (без Черноморской губернии) был таков: из 3022,7 тыс. чел. – 44,9% русских и 47,3% украинцев, 1,9% «черкесов» (адыгейцев), по 0,8% - армяне и немцев, 0,7% греков. 42,8% кубанцев состояли в казачьем сословии. Черноморская губерния (побережье от Новороссийска до Гагр) имела мизерное присутствие казаков. 47,3% жителей губернии составляли русские; 16,1% - украинцы; 10,8% - армяне; 10,4% - греки; по 1% - грузины и евреи [39, с. 207]. Таким образом, побережье резко отличалось по этническому составу от Кубанской области. Уже с 1960-х гг. наметился спад рождаемости у славянских, германских и финно-угорских народов на фоне бурной рождаемости у народов кавказской и алтайской языковых семей. Всесоюзная перепись 1989 г. учла 4620,9 тыс. жителей Краснодарского края (без Адыгеи). Русские

составляли 86,7%, украинцы – 3,9%, армяне – 3,7%, белорусы – 0,75%, немцы – 0,65% и т.д. [40, С. 11-12, 28].

По новейшим данным Всероссийской переписи населения 2010 г., этнический состав населения края таков. Русские – 88,3%; армяне – 5,5%; украинцы 1,6%. Далее с большим убыванием следуют поволжские татары – 24,8 тыс., греки – 22,6 тыс., адыгейцы – 17,7 тыс., грузины – 17,8 тыс., белорусы – 16,9 тыс., немцы – 12,2 тыс., азербайджанцы – 10,2 тыс. и еще 120 этнических групп [17]. За 1989–2010 гг. произошло увеличение удельного веса армян в этническом составе населения края с 3,7 до 5,5% [17]. Самая резкая убыль отмечена у немцев и евреев, умеренная – адыгейцев и поволжских татар.

Миграционный фактор. Краснодарский край – один из самых привлекательных регионов России. За 1989–2000 гг. в край переселилось 630931 чел. (13,6% постоянных жителей) по данным текущего учета краевого комитета статистики [41, С. 73-74]. Основной приток наблюдался в 1991–1996 гг. (свыше 50 тыс. чел. в год). В первом полугодии 2013 г. миграционный прирост в крае оставался на 3-м месте по России – 11,4 на 1000 чел. постоянного населения [42]. Среди новоселов преобладали в 2000-х гг. русские (80,7%), армяне (5,9%) и украинцы (5,8%). Большинство мигрантов оседает в более зажиточных приморских и центральных районах, в крупных городах. Миграционная ёмкость этих местностей, по расчетам Администрации края, исчерпана [43, С. 145-146].

Новая тенденция этнических процессов 1990-х гг. – интенсивные изменения состава населения г. Сочи, Апшеронского, Крымского и Абинского районов, чреватые сменой этнической идентичности сообществ [44, С. 44-62, 115-127]. Так, в г. Сочи армяне составили в 2010 г. 20,1% по сравнению с 5,5% во всем крае [45, Табл. 33].

В Крымский, Абинский и Апшеронский районы с лета 1989 г. были эвакуированы из Средней Азии более 18 тыс. турок-месхетинцев (на январь 1989 г. в крае их насчитывалось 2119 чел.) [44, с. 126]. Между турками и местным населением сложились конфликтогенные отношения. Подавляющее большинство месхетинцев не имело российского гражданства. Грузия отказывается репатриировать месхетинцев вопреки обязательствам, данным в договорах с ЕС и РФ. Анализ турко-месхетинской проблемы выходит за рамки статьи. Отметим только, что данный вопрос воспринимался общественным мнением края и в особенности предгорных районов весьма болезненно и порождает страхи перед «вторым Косово» [46; 47]. Путь разрешения конфликта найден с 2003 г. в добровольном выезде месхетинцев в США при поддержке Госдепартамента США и неправительственных организаций. К 2011 г. край покинули свыше 99% турок-месхетинцев [17].

Итак, повышенный уровень миграции чреват для Кубани социально-экономическими дисбалансами и сменой этнокультурного положения состава населения в ряде особо «привлекательных» местностей. С учетом пограничного положения края и близости вероятного противника – Турции и других стран НАТО рискованно создавать анклавные новые диаспоры, особенно в стратегически важных районах вблизи Новороссийска и Туапсе, транспортных и трубопроводных путей. Желательно стимулирование дисперсного размещения новоселов в соответствии с экономической и социальной пользой для края, в рамках действующего законодательства и с учетом общественного мнения.

Фактор границ и пограничных споров. Границы Краснодарского края по свойствам на юге и западе природные (проходят по естественным рубежам – морям, горным хребтам). Экономический характер имеют северные и восточные границы. По своей истории это границы «наложенные» и постадминистративные. По функциям – контактные с Ростовской областью и Ставропольским краем, фильтрующие – с Карачаево-Черкесией, Абхазией. Этническая контрастность границ выражена только на абхазском участке, т.к. в Адыгее 63,6% населения – русские (2010 г.) [17]. Урупский, Зеленчукский, Черкесский районы Карачаево-Черкесии также имеют преобладающее русское население. В 1992 г. они пытались перейти из состава республики в состав Краснодарского края. Пограничное положение серьезно влияет на региональную культуру, способствует закреплению «психологии фронта» и множественной идентичности.

Административно-территориальное деление как фактор регионального политического процесса. Сеть районирования края стабильна 40 лет. Сложились устойчивые местные сообщества. Создание в 2000 г. федеральных округов РФ, ставшее элементом федеративной реформы, снизило остроту центр - региональных отношений, уменьшило былой сепаратизм.

Разумеется, политико-территориальная структура России может быть реформирована. Но следует признать неподготовленными и непродуманными проекты объединения Краснодарского края и Республики Адыгея. С ними выступили в 2003–2005 гг. депутат Госсовета–Хасэ (законодательного органа) Республики Адыгея от ЛДПР Т. Калакуток, специальный представитель Президента РФ по правам человека в Чечне А.-Х. Султыгов, главный федеральный инспектор по Краснодарскому краю и Адыгее А. Одейчук и другие политики [48, с. 282-289]. Межрегиональная интеграция гораздо лучше пойдет экономическими и социокультурными методами, что не будет вызывать политизации этничности.

Деструктивный характер имеет этнополитическая мобилизация «черкесского» движения в республиках Северо-Западного Кавказа, объективно ведущая к росту центробежных тенденций. По сути, регион стал пространством конкурирующих процессов территориальной инженерии – в пользу

федерального центра и радикальных этнополитических движений, ориентированных на диаспору и идентификацию с исламским миром. Закономерно, что данные тенденции резко активизировались после выбора местом проведения зимних Олимпийских игр 2014 г. Сочи. Основные направления активности «черкесских» организаций (Черкесский конгресс, «Адыгэ Хасе», «Патриоты Черкесии» и др.) классифицированы О.М. Цветковым [49, С. 97-98]:

- требования к Российской Федерации официально признать геноцид адыгов в годы Кавказской войны и мухаджирства XIX в., обращения аналогичного рода к иным государствам и международным организациям;

- призыв репатриировать в РФ адыгов диаспоры (по самооценке, до 6 млн. чел.) [50], облегчить процедуры получения ими гражданства РФ, трудоустройства и приобретения собственности на исторической родине;

- стремление ряда черкесских организаций Карачаево-Черкесской Республики обеспечить пропорциональное представительство в органах власти КЧР (умеренный вариант) или выйти из состава КЧР и образовать новый субъект федерации – Черкесию (радикальный вариант);

- лозунги ряда кабардинских организаций Кабардино-Балкарской Республики по сохранению контроля над «кабардинскими землями», недопущению их передачи балкарцам;

- проект создания укрупненного «адыгского» субъекта РФ, который объединил бы Адыгею, КЧР, КБР и, возможно, часть Краснодарского и Ставропольского краев;

- негативное восприятие Олимпиады 2014 г. в Сочи как готовящейся «на земле геноцида», бойкот проведения Олимпиады.

Можно добавить к классификации также призыв к адыгейцам, кабардинцам, черкесам во время Всероссийской переписи населения 2010 г. называть себя черкесами – единым этносом.

Напомним, что в настоящее время на территории исторического проживания адыгских народностей в Закубанье и Черноморском побережье Краснодарского края сложилось полиэтничное сообщество (свыше 1 млн. чел.), из которых адыгейцы и шапсуги составляют не более 4 тыс. чел. [17]. Министерство иностранных дел РФ и Министерство регионального развития РФ аргументированно ответили в конце 2012 г. на требования организовать массовую репатриацию 3-7 млн. потомков черкесов, что они не являются соотечественниками. Репатриация, по выводам российских ведомств, может вестись только на основании федерального законодательства, в отношении лиц, разделяющих российскую гражданскую идентичность. Не может идти речи и об реституции собственности, прежде всего – земельных угодий, на чем настаивают радикальные публицисты [50]. В настоящее время в Республику Адыгея вернулось не более 2 тыс. черкесов из стран Ближнего Востока, в Краснодарском крае таких фактов нет [51, с. 4-14].

### **Выводы и рекомендации**

Историко-культурный и экономический факторы закрепляют устойчивое деление Краснодарского края на три субрегиона: Степную Кубань, Закубанье и Черноморское побережье. Они имеют разную идентичность, своеобразны по структуре хозяйства и уровню жизни, миграционной и этнической ситуации. Лакунарное положение на фоне агропромышленных районов занимают крупные города – источники политических инноваций.

Потенциал долгосрочных факторов в возможной дестабилизации края невелик. Напротив, надо уделить внимание динамическим факторам: «внешней» геополитике в Черноморском международном регионе, пограничным конфликтам, динамике этнического состава, миграционным процессам, этнополитической мобилизации в республиках Северо-Западного Кавказа. Радикальные реформы территориального устройства «сверху» (воссоединение Краснодарского края и Республики Адыгея) сейчас нецелесообразны. Следует сосредоточиться на экономической и социокультурной интеграции южнороссийского пространства.

Необходимо придать Кубани статус пограничной территории, решительно укрепить транспортное и коммуникационное «окно в Европу» на Черноморском побережье. Для этого нужна последовательная и согласованная политика как федеральных органов власти, так и субъектов РФ. Переструктурирование внутригосударственного пространства – следствие глобализации должно стать выгодным России больше, чем её конкурентам.

### **Литература**

1. Жиблан Д. Б. Французская школа «geopolitique interne» / Д. Б. Жиблан // Политическая регионалистика: теория и практика. – М. : Изд-во РУДН, 2003. – С. 16 – 20.
2. Shils E. Center and Periphery: An Idea and its Career, 1935–1987 / E. Shils Center: Ideas and Institutions // Ed. by L. Greenfeld, M. Martin. – Chicago; London, 1988. – P. 250 – 251.
3. Колосов В. А. Геополитика и политическая география / В. А. Колосов, Н. С. Мироненко. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 479 с.
4. Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений / Р. Ф. Туровский. – М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2006. – 400 с.

5. Ильин М. В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины / М. В. Ильин // Политические исследования. – 1998. – №3. – С. 82 – 94.
6. Макарычев А. С. Глобальное и локальное / А. С. Макарычев // Политическая наука. – 2003. – №3. – С. 8 – 27.
7. Добаев И. П. Юг России в системе международных отношений: национальная и региональная безопасность / И. П. Добаев. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – 136 с.
8. Юрченко И. В. Региональная безопасность Краснодарского края в контексте политических процессов в Черноморском макрорегионе / И. В. Юрченко, М. В. Донцова. – Краснодар: Изд-во Кубанск. гос. ун-та, 2008. – 128 с.
9. Матишов Г. Г. Атлас социально-политических проблем, рисков и угроз Юга России / Г. Г. Матишов, И. В. Пашенко. – Ростов н/Д: Изд-во Южного научного центра РАН, 2013. – Т. VI. – 200 с.
10. Максимов Д. В. Краснодарский край в новых геополитических условиях / Максимов Д. В. // Дис. ... канд. геогр. наук. – Краснодар, 2003. – 214 с.
11. Черный Я. В. Социально-экономические аспекты административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации: на примере Краснодарского края / Я. В. Черный // Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – Краснодар, 2007. – 28 с.
12. Кутилин С. А. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации: политический аспект (по материалам Черноморского макрорегиона) / С. А. Кутилин // Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – Краснодар, 2011. – 28 с.
13. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование / А. Лейпхарт. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.
14. Липсет С. М. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей / С. М. Липсет, С. Роккан // Партии и выборы: Хрестоматия. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – Ч. 1. – С. 49 – 81.
15. Van Valkenburg S. Elements of Political Geography / S. Van Valkenburg. – N.Y., 1939.
16. Haggerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process / T. Haggerstrand. – Chicago, 1967.
17. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. Перепись 2010 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [www.perepis-2010.ru/results\\_of\\_the\\_census/tab7.xls](http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab7.xls) (дата обращения 20.06.2011).
18. Cohen S. B. Geopolitics in the New Era: A New Perspective on an Old Discipline / S. B. Cohen // Reordering the World: Geopolitical Perspectives on the Twenty-First Century. – Oxford, 1994.
19. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004) / А. А. Цуциев. – М.: Европа, 2006. – 128 с.
20. Епифанцев А. А. Разные трактовки истории Кавказской войны на Западном Кавказе и их влияние на современность / А. А. Епифанцев // Зимние Олимпийские игры 2014 г. в Сочи в фокусе информационных атак: Сб. статей. – М.; Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2011. – С. 89 – 95.
21. Баранов А. В. Российская государственность и Северный Кавказ: критика идеологии «самостийности» / А. В. Баранов // Кентавр. – 1993. – №6. – С. 34 – 41.
22. Ericson E. J. Turkey as Regional Hegemon–2014: Strategic Implications for the United States / E. J. Ericson // Turkish Studies. Herzliya: Routledge. – 2004. – Vol. 5. – №3. – P. 25 – 45.
23. Гриневецкий С. Р. Геополитическое казино Причерноморья / С. Р. Гриневецкий, С. С. Жильцов, И. С. Зонн. – М.: Восток – Запад, 2009. – 352 с.
24. Буянов Н. Проблема Тузлы решилась в Крыму / Н. Буянов // Краевые вести. – Краснодар, 2003. – 27 декабря.
25. Баранов А. В. Проблемы урегулирования пограничного конфликта между Российской Федерацией и Украиной в Керченском проливе / А. В. Баранов // Человек. Сообщество. Управление. – Краснодар. – 2012. – №1. – С. 104 – 115.
26. Зимние Олимпийские игры 2014 в Сочи в фокусе информационных атак. Сборник науч. статей / Отв. ред. В. В. Черноус. – М.; Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2011. – 208 с.
27. Программа развития ООН опубликовала доклад о развитии человеческого потенциала в регионах России на 2013 год [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2013/06/17/6014> (дата обращения: 29.01.2014).
28. Итоги социально-экономического развития Краснодарского края в январе-июне 2013 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.krasnodar.ru/content/16/show/91473/> (дата обращения: 29.01.2014).
29. Игнатов В. Г. Южная Россия и её регионы / В. Г. Игнатов, В. И. Бутов. – М.; Ростов н/Д: ИКЦ Март, 2006. – 306 с.
30. Инвестиционная привлекательность регионов 2013: акцент на инфраструктуру. График 1. Инвестиционный рейтинг российских регионов 2012–2013 гг. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2013/att1/att1-1/> (дата обращения: 29.01.2014).
31. В экономику Краснодарского края вложили 128 миллиардов рублей. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fedpress.ru/news/econom/industry/1369035766-v-ekonomiku-krasnodarskogo-kraya-vlozhili-128-milliardov-rublei> (дата обращения: 29.01.2014).
32. Кубань сегодня. – 2004. – 25 июня.
33. Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделённого единства / Отв. ред. В. А. Колосов и О. И. Вендина. – М.: Новый хронограф, 2011. – 352 с.
34. Магомедов А. К. От Большого Каспия до Сахалина: Характер и рубежи борьбы за энергоресурсы Северной Евразии на этапах посткоммунизма / А. К. Магомедов, Р. Н. Никеров. – Ульяновск : Изд-во Ульянов. гос. ун-та, 2011. – 351 с.
35. Гаевская И. И. Формирование и развитие международного сотрудничества субъектов Российской Федерации в 1991–2005 гг. (на материалах Краснодарского края) / И. И. Гаевская. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2006. – 24 с.
36. Закон Краснодарского края «О Программе социально-экономического развития Краснодарского края на 2013 – 2017 годы». Принят 26 июня 2013 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://economy.krasnodar.ru/strategic-planning/the-program-of-development-of-krasnodar-region/files/soc-ekon\\_razv\\_2013-17.PDF](http://economy.krasnodar.ru/strategic-planning/the-program-of-development-of-krasnodar-region/files/soc-ekon_razv_2013-17.PDF) (дата обращения: 29.01.2014).

37. Итоги социально-экономического развития Краснодарского края в январе-июне 2013 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.krasnodar.ru/content/16/show/91473/> (дата обращения: 29.01.2014).
38. Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России / Н. В. Зубаревич. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 284 с.
39. Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках / В. М. Кабузан. – СПб.: Блиц, 1996. – 186 с.
40. Национальный состав населения Краснодарского края по данным Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г. – Краснодар, 1990.
41. Терская И. А. География Краснодарского края: Природа. Экономика / И. А. Терская, А. В. Терский, Д. А. Терский. – Краснодар: Перспективы образования, 2003. – 208 с.
42. Ракачев В. Н. Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы / В. Н. Ракачев, Я. В. Ракачева. – Краснодар: Изд-во Кубанск. гос. ун-та, 2003. – 264 с.
43. Щербакова Е. Демографические итоги 1 полугодия 2013 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0569/barom04.php> (дата обращения: 29.01.2014).
44. Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа / В. С. Белозеров. – М.: ОГИ, 2005. – 304 с.
45. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года. – М.: Федеральная служба государственной статистики Росстат, 2013. – 528 с.
46. Савва М. В. Новые диаспоры Краснодарского края / М. В. Савва. – Краснодар: Изд-во Кубанск. гос. ун-та, 2006. – 251 с.
47. Петров В. Н. Община турок-месхетинцев в Краснодарском крае: черты социального портрета / В. Н. Петров, В. И. Охрименко. – Краснодар: Адм-ция Краснодарск. края, 2003. – 68 с.
48. Кольба А. И. Проблемы управления политическими конфликтами в процессе укрупнения субъектов Российской Федерации / А. И. Кольба // Сравнительный федерализм и российские проблемы федеративных отношений: сб. ст. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2008. – С. 279 – 291.
49. Цветков О. М. Адыгский (черкесский) вопрос на Кавказе / О. М. Цветков // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – С. 97 – 107.
50. Берзегов М. Мы как народ являемся субъектом международного права, на которое и опираемся / М. Берзегов [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://kavkaz-news.info/portal/cnid\\_94390/alias\\_Caucasus-Info/lang\\_en/tabid\\_2434/default.aspx](http://kavkaz-news.info/portal/cnid_94390/alias_Caucasus-Info/lang_en/tabid_2434/default.aspx) (дата обращения 25.09.2010).
51. Черкесский вопрос в России в конце XX – начале XXI веков: геополитические легенды и историческая память: сб. материалов круглого стола / Редкол.: М. Д. Розин и др. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. – 160 с.

**Анотація.** А. В. Баранов *Політико-географічне положення Краснодарського краю в системі внутрішньої геополітики Росії : основні чинники.* Стаття присвячена виявленню основних довгострокових чинників політико-географічного положення Краснодарського краю в системі внутрішньої геополітики Росії (1991 - 2014 рр.). Розкрито політична роль таких факторів, як історичний, міжнародний, економічний, соціальний, етнічний, міграційний, адміністративно-територіальний.  
**Ключові слова:** політико-географічне положення, чинники, система внутрішньої геополітики Росії, Краснодарський край.

**Abstract.** A. V. Baranov *Political and geographic position of Krasnodar region in Russian internal geopolitics: key factors.* Article is devoted to the identification of key factors for long-term political and geographical position of Krasnodar region in the system of Russian internal geopolitics (1991–2014). Disclosed the political role of factors such as historical, international, economic, social, ethnic, migration, administrative and territorial.  
**Keywords:** political and geographical position, the factors, system of internal geopolitics of Russia, Krasnodar region.

Поступила в редакцію 01.02.2014 г.